

И. З. СЕРМАН

ЗАБЫТЫЙ СПОР

(Из истории изучения русской литературы XVIII века)

Иногда среди споров и конфликтов современности полезно оглянуться на далекое прошлое для того, чтобы понять, насколько мы ушли вперед, а в чем топчемся на месте.

Проблема среднего класса, которая так болезненно решается сегодня, отражается и в исторической мысли современности, у той части исследователей, которых занимает место утопии в политической реальности в истории России. Примером такого исследования проблематики среднего класса может служить работа М. Б. Лавринович «Социально-политическая программа Екатерины II: „Третье сословие“ как утопия русской истории».¹

Внимательно изучив все оставшиеся нереализованными проекты Екатерины II «создать» третье сословие, или «третий чин», исследователь приходит к выводу, что «в социальной реальности России XVIII века это было невыполнимым условием: идеальное „третье сословие“ Западной Европы было принципиально несовместимо с русской реальностью ввиду закрепощенного положения тех, кто должен был бы составить значительную его часть».²

Эти рассуждения напомнили мне один эпизод идеологической жизни России, эпизод давний, основательно забытый, но от этого не потерявший интереса.

Я имею в виду спор о третьесословной литературе XVIII в., спор, в котором участвовали такие колоритные личности, как В. А. Десницкий, Д. Святополк-Мирский, Г. А. Гуковский. Он, этот спор, начался в 1932 г., растянулся на несколько лет и, не-

¹ Лавринович М. Б. Социально-политическая программа Екатерины II: «Третье сословие» как утопия русской истории // Философский век. Альманах № 12. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу. СПб., 2000. С. 60—69.

² Там же. С. 69

смотря на свою, казалось бы, «архаичность», при более внимательном к нему отношении окажется неожиданно актуальным.

Предварительно несколько слов в защиту 1930-х гг., к которым установилось слишком отрицательное отношение. Против такого понимания смысла духовной жизни 1930-х гг. как свидетельница и участник эпохи справедливо выступила в 1988 г. Лидия Яковлевна Гинзбург: «Напрасно люди представляют себе бедственные эпохи прошлого как занятые одними бедствиями. Они состоят из многого другого — из чего вообще состоит жизнь, хотя и на определенном фоне. Тридцатые годы — это не только труд и страх, но еще и множество талантливых, с волей к реализации, людей, и унаследованных от прошлого, и — еще больше — расторможенных революцией, поднятых на поверхность двадцатыми годами».³

Об одном из эпизодов этой эпохи «труда и страха» я хочу напомнить.

Эпизод этот забыт прочно, но если к нему присмотреться внимательней, то можно увидеть, хотя и не прямую, но все же заметную переключку с проблематикой 1990-х гг.

То социальное явление, которое сейчас принято называть «средним классом», в России XVIII в. называли третьим сословием или третьим чином; поскольку считалось, что в стране есть два основных сословия — дворянство и крестьянство.

О необходимости появления или создания в стране торгово-промышленного сословия, о его важности для государственного строительства думали многие. В том числе и Екатерина II. Современный историк так излагает отношение к проблеме «третьего чина», как она была поставлена Екатериной II. По его мнению, «Екатерина (в 1766 г. — *И. С.*) осознает, что <...> третье (среднее) сословие, буржуазию <...> нужно создавать».⁴ И о невозможности этого он говорит далее: «...проблема третьего сословия упиралась в проблему крепостного права и потому была практически неразрешима».⁵ Так полагала прагматически мыслящая правительница.

Однако вопрос о третьем сословии снова стал предметом обсуждения в двадцатом веке у историков, а в 1930-х гг. он породил очень любопытную дискуссию среди историков литературы. Для того чтобы эта дискуссия стала возможна, «понадобилось» директивное указание.

Как объяснил П. Н. Берков, только после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организа-

³ Гинзбург Л. Я. «И заодно с правопорядком» // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 219.

⁴ Каменский А. «Под сению Екатерины...». СПб., 1992. С. 176.

⁵ Там же.

ций» от 23 апреля 1932 г., т. е. о ликвидации РАПП и создании единого Союза писателей, стало возможно возрождение науки о XVIII в. Он писал: «Руководство РАПП в течение последних лет перед его ликвидацией развивало тезис о том, что историко-литературное исследование, — посвящено ли оно Пушкину, литературе XVIII века или древнерусской, — есть „бегство от современности“, „сознательный уход в прошлое“ как форма уклонения от решения задач советской литературной критики».⁶

По предложению Горького, редактировавшего журнал «Литературная учеба», в нем появилась статья его давнего приятеля и единомышленника по «Новой жизни» в 1917 г. В. А. Десницкого «О задачах изучения русской литературы XVIII века». Затем в расширенном виде с добавлением статистического материала о российском промышленном вывозе и некоторых историко-литературных наблюдений она была перепечатана в качестве вступительной статьи к сборнику «Библиотеки поэта» — «Ирои-комическая поэма» (Л., 1933).

По убеждению П. Н. Беркова, особое значение для возрождения исследовательской работы по литературе XVIII в. имела заключительная часть статьи Десницкого, где он говорит, что XVIII век забыли: «И едва ли это целесообразно: укорачивать и обеднять историю русской культуры и русской литературы победившему пролетариату, наследнику всего ценного в историческом прошлом побежденных классов, нет решительно никаких оснований».⁷

Характерно для академических традиций, что П. Н. Берков в 1964 г. считал нужным написать: «Мнение В. А. Десницкого, старого и авторитетного марксиста, друга М. Горького, крупного ученого и педагога, имело вес и, несомненно, в какой-то мере способствовало изменению отношения к литературе XVIII века со стороны читателей и — что не менее важно — со стороны органов, руководивших в те годы деятельностью высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений».⁸

Поскольку никаких прямых директивных указаний о том, как надо трактовать русскую литературу XVIII в., партия еще не выработала, редакция «Литературного наследства» решила провести о ней дискуссию. Напомню тем, кто не заглядывал в этот том «Литературного наследства» (9—10, 1933) о его содержании. Перечислю только основные статьи.

⁶ Берков П. Н. Введение в изучение русской литературы XVIII века. Часть I. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964. С. 193.

⁷ Десницкий В. А. О задачах изучения русской литературы XVIII века. — Ирои-комическая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского, вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., 1933. С. 72. (Библиотека поэта).

⁸ Берков П. Н. Указ. соч. С. 198.

Подпольная поэзия 1770—1800-х годов. Публикация Г. Гуковского и В. Орлова.

Крестьянские повести XVIII века. Публикация В. Ржиги.

«Хождение попа Савы». Неизданная антиклерикальная сатира XVIII века. Публикация С. Елеонского.

Солдатские стихи.

«Как хочешь назови». Неизданная комедия М. Д. Чулкова. Публикация Н. Харджиева.

Ранняя комедия Д. И. Фонвизина. Первая редакция «Недоросля». Публикация Г. Коровина.

Неизданные стихи Н. А. Львова. Публикация З. Артамоновой.

Рассуждение о российском стихотворстве. Неизвестная статья М. М. Хераскова. Публикация П. Беркова.

Кроме ряда более мелких публикаций в отделе «обзоров» была помещена обширная статья Г. А. Гуковского «За изучение восемнадцатого века», а в отделе «Трибуна» статья Д. Мирского «О некоторых вопросах изучения литературы XVIII века» и статья И. Сергиевского «По поводу статьи Д. Мирского».

Во вступительной к изданию статье «От редакции» после краткой, но безоговорочной критики прежней, т. е. «немарксистской», науки содержалось нечто вроде извинения: «Вследствие констатированного выше установившегося пренебрежительного отношения к той эпохе, которой посвящен этот сборник, со стороны представителей марксистско-ленинского литературоведения вопрос о научно-исследовательских кадрах стоит в этой области острее, чем в какой-либо другой. Чаше, чем где-либо, здесь приходится обращаться к опыту и знаниям работников, методологическая перестройка которых в сторону марксизма-ленинизма далеко еще не завершена {...} Читателю придется столкнуться с многообразием и разнородностью представленных в сборнике точек зрения по отдельным вопросам литературного движения рассматриваемой эпохи. Это понятно, если учесть, что изучение литературы XVIII в. до сих пор находилось почти в монопольном владении идеалистов и эклектиков всех толков и мастей».⁹

В сборнике в отделе «Трибуна» было отведено место спору Мирского и Сергиевского, которые не будучи специалистами и знатоками XVIII в., выступали как марксисты-ленинцы и вели спор не только между собой, но и с названной выше статьей Десницкого, в свою очередь предлагавшего свое марксистско-ленинское истолкование «классовости» литературы XVIII в.

Участники спора резко отличались друг от друга, так сказать «генетически», по своей биографии.

⁹ Литературное наследство. М., 1933. № 9—10. С. 3.

Десницкий был до 1912 г. членом ЦК РСДРП (большевиком), потом отошел от политики, но в 1917 г. вместе с Горьким редактировал «Новую жизнь», на страницах которой защищал демократию от большевиков. К моменту дискуссии возглавлял филологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Д. Мирский проделал в свое время эволюцию от евразийства до членства в британской компартии.

И. В. Сергиевский, тогда еще только начинавший публиковаться, позднее ставший партийным функционером в Академии наук, особенно деятельно проявил себя в 1946—1949 гг. начиная со статьи «Об антинародной поэзии А. А. Ахматовой» («Звезда», 1946, № 9).

Формально не участвовавший в этом споре, но по-своему на него откликнувшийся на страницах сборника Г. А. Гуковский, по-видимому, относился к числу тех работников, «методологическая перестройка» которых еще не была «завершена» и формалистское прошлое еще не было забыто.

В. А. Десницкий утверждал, что «литература XVIII века должна быть подвергнута коренному пересмотру; в ней должны быть четко вскрыты ведущие и борющиеся классовые линии». ¹⁰ Смысл этого «пересмотра» в том, чтобы показать, как в противовес типам «верховой» дворянской культуры складывались типы и третьесословной культуры; «складывались они в быту, искали себе выражения и в искусстве». ¹¹ В соответствии со своей общен исторической концепцией В. А. Десницкий предлагает прежде всего определить «классовую обусловленность» и «социальную направленность» писателя и его произведений. Поскольку статья Десницкого была предисловием к сборнику «Ирои-комическая поэма» в «Библиотеке поэта», то определение «классового метода» собранных в сборнике произведений было ее ближайшей целью: «Буржуазная сущность ирои-комической поэмы XVIII века дана нам не в паспортах ее создателей, а в ее общей социальной направленности, в ее стилевых особенностях, противопоставленных всему духу господствующей классовой культуры XVIII века». ¹² Ирои-комическая поэма В. Майкова формирует «элементы какого-то нового классового стиля». ¹³

В этой статье Десницкий свою позицию противопоставил Плеханову: «...для Плеханова, — ко времени написания „Истории общественной мысли“ окончательно ставшего на меньшевистские позиции классового соглашательства, буржуазной „националь-

¹⁰ Десницкий В. А. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Там же. С. 60.

ной” революции, которая должна превратить Россию „в европейскую” страну, — и в русском историческом прошлом дороги, прежде всего, „европеизированные представители русской общественной мысли”». ¹⁴ И далее, по мнению Десницкого, Плеханов полагает, что русская культура XVIII в. «не продукт и не выражение перипетий и результатов классовой борьбы, а, наоборот, следствие того, что эта борьба была притуплена, была „в скрытом состоянии”». ¹⁵

Мирский в своей статье спорит с Десницким о классовой структуре России XVIII в.

Д. Мирский смотрел на русскую литературу XVIII в. с точки зрения человека, обладающего обширным знанием европейской литературы, но, разумеется, сквозь призму марксизма: «В XVIII веке пересадку европейской литературной культуры на русскую почву облегчало то, что эта литература, уже буржуазная в своих жизнеспособных клетках, была еще вся проникнута инерцией феодального прошлого. Этот феодальный элемент, отмиравший и застойный, и был тем, за что русское дворянство зацепило западную литературу. Пересаженные на русскую почву разные элементы западной литературы оказались в новых соотношениях. Например, ода, застойный и омертвелый жанр на Западе, в России нашла необыкновенно благоприятную почву и оказалась ведущим жанром всей литературы». ¹⁶ Возражая против историко-социологической концепции В. А. Десницкого, Д. Мирский пишет: «Десницкий называет представления об отсутствии классовой борьбы между дворянством и „третьим сословием” идиллическими и меньшевистскими. Мне кажется, что еще более идиллично и меньшевистски. Мне кажется, что еще более идиллично и меньшевистски представлять классовую борьбу то, что ею не является. Сближать русское „третье сословие” с французским есть проявление того же меньшевизма, который в 1905 году представлял русскую буржуазию активной революционной силой (...). В екатерининской России была классовая борьба и далеко не идиллическая. Но она происходила совсем не там, а на полях битв пугачевцев с царскими войсками». ¹⁷

Признавая все-таки некоторые «безотносительно ценные художественные выражения XVIII века», к которым он относит Ломоносова и Державина, Мирский называет остальную дворянскую литературу одним из «отдаленных закоулков» прошлого.

Изучать же следует, — и в этом он видит основную задачу истории литературы, — «социально близкую нам» плебейскую и

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Литературное наследство. № 9—10. С. 502—503.

¹⁷ Там же. С. 507.

крестьянскую литературу, создание «предков рабочих и крестьян, ныне строящих бесклассовое общество».¹⁸

При всех расхождениях между Десницким и Мирским в оценке исторического содержания российского XVIII в. как эпохи, взятой в целом, их сближает пренебрежительное отношение к тому, что является важнейшим «художественным выражением» этого времени, к тому, что сохраняет эстетическое воздействие на протяжении столетий.

Мирский и Десницкий спорят о роли буржуазии («третьего со-словия») в литературном движении эпохи, проецируя на нее проблематику XX в. (Десницкий прикровенно, Мирский — прямо) и свободно распоряжаясь в своих схемах размещением социальных сил.

Г. А. Гуковский, который всегда в своей исследовательской работе опирался на всестороннее знание реальной литературы XVIII в., не предложил какой-либо новой социологической схемы и прямо не возражал ни Десницкому, ни Мирскому. Отвечая дискуссантам, Г. А. Гуковский предложил вместо схем и концепций иной подход к литературе XVIII в. и иное, чем у его оппонентов, понимание ее общекультурного значения: «Мы должны открыть XVIII век для широкого читателя, для вузовца, для преподавателя школы, для рабочего, которого интересуют судьбы нашей литературы. Мы не можем удовлетвориться борьбой за научный подход к фактам XVIII в. внутри науки; такая борьба будет бесплодна, пока мы не вынесем ее на трибуны научной мысли, в широкую печать». И далее он говорит, что нужен «поворот в общественном восприятии фактов этой литературы, когда читатель, считающий долгом культуры знать и любить Толстого, хорошо помнить Тургенева и Тютчева, прочтет и оценит Державина, Карамзина и Сумарокова».¹⁹ Гуковский предлагал сначала узнать, а уже потом судить и, если надо, создавать схемы и концепции.

Статьи Десницкого и Мирского опрокидывали в прошлое России то представление о классовой борьбе, которое возникло как отражение действительной политической ситуации, создававшейся в годы гражданской войны, а затем намеренно использованной Сталиным для его «революции сверху» в 1929—1931 гг.

Рассматривая литературу как внешнюю форму идеологии, а идеологию понимая как прямое выражение интересов какого-либо определенного класса, некоторые участники этого спора сами для себя делали невозможным проявление какого-либо интереса к «салонному реализму Фонвизина» (Мирский) или к творчеству Карамзина. Классовая определенность идеологического содержания дворянской литературы предопределяла ее чуждость и неп-

¹⁸ Там же. С. 509.

¹⁹ Там же. С. 319.

риемлемость для «нас», т. е. для идеологов победившего пролетариата, строящего социализм. Оставалось искать в литературе XVIII в. родственные по духу пролетариату Советского Союза явления.

Но их было известно очень мало. Предполагая, что где-то существуют залежи этой плебейской литературы, Десницкий и особенно Мирский требуют исследования и обнародования этих предполагаемых богатств крестьянского, антидворянского творчества. Вкладчики «Литературного наследства» № 9—10, профессионально работающие исследователи, сделали все, что могли, в поисках этой литературы.

Сегодня снова возникает вопрос, что же на самом деле думали такие высокообразованные интеллигенты, как Мирский и Десницкий, настаивая на необходимости в первую очередь изучать «третье-сословную» (термин Десницкого) или плебейско-крестьянскую «литературу». Хотелось бы понять, как можно было всему, сделанному Ломоносовым, Державиным, Карамзиным, победоносно противопоставлять «Плач холопов» при всей его социальной выразительности.

Точка зрения Десницкого становится понятной в ее собственной логике только в том случае, если мы предположим, что борец с плехановским меньшевизмом разделял (может быть, вместе с Горьким в 1917—1922 гг.) основную идею РСДРП (меньшевиков) о возможности в России буржуазной революции и той роли, которая в этой революции должна принадлежать буржуазии.

Именно на эту меньшевистскую «слабость» концепции Десницкого указывал Мирский.

Участие в этой дискуссии Д. Мирского особенно для нас интересно. В Париже и Лондоне Мирский, конечно, чувствовал себя равноправным участником литературной жизни русской эмиграции. В Москве первой половины 1930-х гг. он, вероятно, не нашел никого, сколько-нибудь, как тогда говорили, «социально близкого», вернее духовно родственного, хотя какие-то могоканы «дооктябрьского» прошлого еще были живы. Например, был еще жив Андрей Белый, о котором Мирский в «Истории русской литературы» писал проникновенно и тонко.

Основное в идеях Десницкого — это развернутое определение тех сил, которые в культуре противостояли дворянству в XVIII в.: «Крепостное крестьянство и русское третье сословие — крупная торгово-промышленная буржуазия, городская мелкая буржуазия и служилая интеллигенция, городское и сельское белое духовенство, свободное крестьянство, фабрично-заводской и ремесленный пролетариат — стоявшие в целом и в отдельных своих классовых группах в тех или иных формах и степенях противоречия к господствующему дворянскому сословию и к сохранившим кое-что от своего феодального величия „князьям церкви“, — должны

были иметь — и несомненно имели — свое выражение в литературе».²⁰

Современного читателя не может не удивить такая форма убежденности — «должны были иметь». А почему, собственно, «должны», какому императиву «должны» были подчиняться все эти «классовые группы» (не совсем понятное определение. — И. С.), которых Десницкий вводит в состав «третьего сословия».

Принятая тогда форма социологизирования позволяла очень свободно переходить от статистики ввоза и вывоза к его выражению в культуре.

Для того чтобы понять, в какую идеологическую обстановку попал в Москве Мирский, полезно посмотреть то, что он писал десятилетием раньше.

Так, о Карамзине он тогда писал, что «это произведения человека, впервые открывшего в собственных чувствах неиссякаемый источник интереса и удовольствия...».²¹ А о Державине восторженно: «В лирической поэзии Державин велик. Даже просто по силе воображения он один из немногих величайших русских поэтов. Дух его поэзии классический, но это классицизм варвара (...). Державин был варвар, не только в своей любви к материальным наслаждениям, но и в своем использовании языка».²²

Теперь Карамзина он не упоминает, а о Державине пишет, что «признание ценности Державина отнюдь не должно заслонять его полной враждебности».²³ Подразумевается его «враждебность» идеологическая — победившему пролетариату.

Сергиевский в основном полемизировал не с Десницким, а с Мирским. Его статья так и названа «По поводу статьи Мирского». Как и его адресат, Сергиевский никогда исследовательски или популярно не писал о литературе XVIII в., что, впрочем, не мешало участникам дискуссии высказываться с подкупающей авторитетностью. О статье Мирского он пишет, что «воссоздавая общую картину расстановки классовых сил и их взаимодействия в феодально-крепостническом обществе, Мирский допускает ряд крупнейших принципиальных ошибок, совершенно искажающих подлинный социально-экономический рельеф эпохи».²⁴

Сам же Сергиевский предлагает считать одним из основных классовых конфликтов эпохи борьбу «дворянских группировок»: «Основными противостоящими силами были при этом, с одной

²⁰ Десницкий В. А. Указ. соч. С. 27—28.

²¹ Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зернова. Лондон, 1992. С. 105. (Перездано: Магадан, 2001).

²² Там же. С. 87—88.

²³ Литературное наследство. № 9—10. С. 509.

²⁴ Там же. С. 510.

стороны, высшее дворянство, придворная знать, являвшаяся вплоть до пугачевщины цитаделью всякого политического фрондерства; с другой стороны — среднепоместное и мелкопоместное шляхетство, служившее постоянной опорой самодержавия в его борьбе с олигархическими тенденциями дворянских верхов».²⁵

И далее, не называя Гуковского, но ссылаясь на него, Сергиевский пишет, что «не следует воскрешать старых, пусть в свое время вполне оправданных басен о безыдейности, бессодержательности дворянской литературы XVIII века. Как раз оперативность — говоря языком нашей эпохи — определенных ее пластов, ее теснейшая связь с социальной практикой дворянства — одно из характерных ее свойств, придающих ей определенный интерес и для нас. Один из участников настоящего сборника говорит о том, что стихотворения Державина играли роль своего рода негласной прессы, представляя читателю и сатирический фельетон, и передовую статью».²⁶

Последние слова Сергиевского повторяют то, что написал Гуковский в обзоре литературного наследства Г. Р. Державина: «Популярность Державина в его время была в значительной мере популярностью рукописного, полуподпольного поэта. При Екатерине, при Павле, даже при Александре I многие его стихотворения не были, да и не могли быть изданы. Написанные на злобу дня, полные намеков на сильных мира, намеков, нередко дерзких, такие стихотворения играли роль негласной прессы; они давали читателю и сатирический фельетон, и передовую статью».²⁷

Так мы переходим к фактическому участнику дискуссии. В «Трибуне» ему, как еще не окончательно ставшему на марксистско-ленинские позиции, место представлено не было, хотя в составе тома «Литературного наследства» ему принадлежала ведущая роль.

Но фактически он участвовал в споре своей статьей «За изучение восемнадцатого века». Ответ его содержится уже в названии статьи — он призывал до всяких теоретических умозаключений «изучить» восемнадцатый век, узнать его так, как он его знал. Одновременно он предостерегал от того, что называл «библиографическим крохоборчеством»: «Боязнь концепций, построенных на материале, еще слишком мало исследованном, боязнь углубления в толщу этого материала приводит некоторых „осторожных” ученых к некоему научному крохоборчеству. Они вырывают из моря малоизвестных фактов и имен какой-нибудь фактик, более или менее незначительный, какой-нибудь отдельный вопрос, вопросик, штрих и подвергают его микроскопическому исследованию,

²⁵ Там же. С. 511.

²⁶ Там же. С. 512.

²⁷ Там же. С. 369.

чаще всего библиографического характера. Выбор материала неизбежно оказывается случайным (...) но беда в том, что сам по себе материал научно аморфен, что, не будучи освещен или осмыслен той или иной концепцией, он не имеет значения даже научного факта, он как бы не существует, потому что неясно, каково его значение, как он вообще относится к истории и к искусству, в котором все живет лишь постольку, поскольку значит что-либо, осмысляется».²⁸

Прежде чем строить концепции и устанавливать то, что именовалось «социальной природой» литературы, Гуковский в своем обзоре состояния науки о XVIII в. писал: «Нет необходимости доказывать, насколько недопустимо такое забвение целого почти столетия литературной жизни, целого ряда крупных, замечательных писателей. Такое наивное отношение к Пушкину и к его эпохе, как началу русской литературы, до тех пор влачившей жалкое существование и вот теперь, именно с гением Пушкина, вдруг оформившейся и вышедшей на арену истории».²⁹

Незнание материала, часто элементарное, приводит, по мнению Гуковского, к такому положению в науке: «...все еще будут иметь силу огульные рассуждения о подражательности русского „ложноклассицизма“, о том, что он „не самобытен“, т. е. не выражает русской жизни и русского общества, что поэзия Ломоносова, Сумарокова и др. — только список с поэзии французского классицизма и т. п. Вместе с этой „теорией“ (...) все еще будет держаться в умах не менее бессмысленное в методологическом отношении мнение о литературе века как о сплошном недифференцированном монолите схоластических упражнений, лишенных мировоззрения, искусственных и отвлеченных от реальной жизни и личного характера автора».³⁰

В 1933 г. спор еще не был закончен, он продолжался на страницах одного из выпусков «Литературного наследства» (т. 19—21, 1935), но, как верно указал П. Н. Берков, на новом этапе участники его должны были считаться с постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании истории. Как и предыдущее постановление (о роспуске РАППа), это постановление, восстановившее полноправие гражданской истории и отменившее социологизирование в духе школы Покровского, раскрепостило историю литературы от привязанности к отвлеченным схемам классовости. Преодоление схематизма по отношению к XVIII в. потребовало еще нескольких лет напряженной работы Гуковского и других исследователей. И дальнейшее развитие этого процесса выходит за пределы моей статьи.

²⁸ Там же. С. 297.

²⁹ Там же. С. 295.

³⁰ Там же. С. 296.

В очень обстоятельном исследовании Е. К. Виртшафтер рассмотрены проблемы самоопределения сословий в XVIII в.³¹ Автор приходит к выводу, что организованного, сознательного среднего класса и его организованного «движения не было».³² Так подводится итог тем спорам, которые шли среди историков, совершенно независимо от интересующей нас дискуссии.

Российская исследовательница Е. Н. Марасинова не касается прямо проблем третьего чина в XVIII в., но, в сущности, сосредоточив свое внимание на той части дворянства, которую она предпочитает называть «элитой», она не считает проблему третьего чина заслуживающей серьезного внимания. Таким образом она примыкает в основном к позиции Гуковского, отрицавшего создание в России XVIII в. третьесословной идеологии.³³

Мне хотелось, хотя бы в общих чертах, восстановить состояние умов в 1933 г. и показать, что, оглядываясь на прошлое, мы, может быть, приоткроем завесу будущего. Спор о третьем чине, о возможности его создания, о его необходимости позволил мне напомнить о той работе мысли, которая в непривычных уже для нас формах и в непостижимых условиях происходила в середине 1930-х гг. Позволю себе привести еще свидетельство одного из могикиан 1930-х, высказанное в 1983 г.: «Тридцатые годы — время глубоких противоречий, и тот, кто говорит об этой эпохе в общей форме, минуя горечь внутреннего конфликта, продолжает именно худшее в них, догматическое единообразие. Приведение всего к одному знаменателю возобладало в конце 1930-х годов, и все же было бы несправедливо предать забвению другие черты этой, богатой внутренним содержанием эпохи {...}. Когда я говорю о людях тридцатых годов, в памяти возникает живое чувство духовного подъема и отвращения к мутной идеологической схоластике, охватившей несколько поколений. Незабываемые страницы жизни! Несмотря на то что люди этого племени слишком верили в свои силы и пережили много дурного, способного вызвать разочарование, они не были раздавлены суровым ходом истории. Имей смелость ошибаться и мечтать, — сказал Шиллер».³⁴

Автор этих элегических, хотя во многом справедливых, воспоминаний Михаил Лифшиц — один из известнейших тогда, в 1930-е гг., эстетиков и сотрудников журнала «Литературный критик» (1933—1940). Естественно, когда он вспоминает о 30-х гг., то говорит о себе и своих единомышленниках, среди которых,

³¹ *Wirtschafter E. K. Social identity in imperial Russia. Decalb, 1997.*

³² Там же. С. 97.

³³ *Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.*

³⁴ *Лифшиц М. В мире эстетики. Статьи 1969—1981 гг. М., 1985. С. 255.*

кстати напомню, выделялся Георг Лукач, ставший после 1956 г. одним из теоретиков «социализма с человеческим лицом».

Те «внутренние противоречия», о которых говорит Михаил Лифшиц, возникали, конечно, и под воздействием социальной обстановки, но этот вопрос требует особого внимания, для которого нет места в данной статье.

Моя задача была скромнее — показать на отдельном участке идеологического фронта (ходовое словечко эпохи), о чем спорили и к чему приходили в поисках истины самые интересные умы эпохи.